

Ранней осенью сорок третьего года в этих местах шли тяжелые, не смолкающие ни днем, ни ночью бои. Наши войска хотели во что бы то ни стало до наступления зимних холодов переправиться на правый берег реки Десны и захватить там хотя бы небольшой плацдарм. А немцы всеми силами старались удержаться за рекой, где у них были хорошо оборудованные и укрепленные позиции.

В кровопролитных тех боях солдат и с немецкой, и с нашей стороны погибло неслетное число. Хоронить их было особенно некому. Наши войска в конце концов противника одолели и погнали его все дальше и дальше на запад. Погибших красноармейцев предавали земле похоронные команды и уцелевшие местные жители, прятавшиеся во время боев в окрестных лесах. Немцам же и тем более было не до похорон. Под напором Красной Армии они безоглядно бежали несколько суток, пока опять не зацепились и не устроили новую оборону на правом берегу реки Ипути, уже почти на самой границе с Белоруссией. Хоронить погибших, брошенных в спешке на местах гибели немецких солдат и офицеров тоже пришлось нашим похоронным командам, да опять-таки стари-

кам, женщинам и детям-подросткам. Сколько-нибудь приметной разницы в захоронениях бывших врагов-противников не было. На конных, а то и на ручных волокушах, запрягаясь в них по три-четыре человека, убитых свозили в траншеи, блиндажи и окопы и зарывали землей. Различные, пожалуй, было лишь в том, что над могилами наших солдат деревенские жители и бойцы похоронных команд ставили кресты или четырехугольные, вошедшие в воинский обычай пирамидки с жестяными звездочками наверху, а немецкие оставляли без всякого обозначения, сравнивали с землей, жестокосердно, но справедливо, по их преступлениям и злодеяниям поминая фашистских захватчиков-оккупантов недобрым словом: вы хотели нашей земли, так вот она вам, сырая и холодная на веки вечные...

Почти семьдесят лет пролежали погибшие солдаты обеих армий в бывших траншеях, блиндажах и окопах. Одни в непреходящей скорби и памяти, оплакиваемые матерями, женами и детьми-сиротами, а другие в полном заслуженном ими забвении.

Но вот то ли по велению какого высокого, верховного начальства, то ли по собственной воле, никем не понуждаемые, объявились и на левом, и на правом берегу реки небольшие поисковые отряды, которые разрывали густо заросшие теперь лесами, кустарниками и травой бывшие эти траншеи и окопы, чтоб отыскать там хотя бы кости погибших советских солдат (а если повезет, так и узнать их имена) и захоронить уже по-человечески, с отданием всех необходимых воинских почестей. Останки же гитлеровских солдат передавались германской стороне, и их хоронили отдельно на возникающих по обоюдной договоренности России и Германии то там, то здесь немецких кладбищах, несмотря на глухое молчание жителей близлежащих деревень.

Объявился такой отряд и в правобережном селе Березанке, в окрестностях которого когда-то был как раз и захвачен нашими войсками крохотный плацдармик, откуда после началось победное наступление всех подтянувшихся к Десне армий.

Руководил отрядом мужчина лет пятидесяти, Николай Петрович, говорят, участник афганской и чеченской войн, недавно вышедший в отставку в звании подполковника. Ему помогли три крепких молодых парня — Алеша, Витя и Славик, тоже, по слухам, недавние, правда, уже мирного времени солдаты. По всем армейским пехотным правилам они разбили в тени и защите речной уремы палаточный лагерь и принялись за раскопки.

Березанцы нет-нет да и заглядывали на эти раскопки, интересовались, что удалось бойцам добровольного отряда отыскать на месте давних боев. Чаще других повадился ходить к поисковикам, прикипел, считай, к ним всей душой непоседливый, разговорчивый старичок, по деревенскому прозвищу — Прошка. Звали его на самом деле не Прохором и не Прокофием, как поначалу подумали было поисковики, а Егором Дмитриевичем. Но об этом мало уже кто в Березанке и помнил. Весь деревенский его род прозывался Прошками, должно быть, в память какого-нибудь древнего зачинателя этого рода, действительно Прохора или Прокофия. Прошка на прозвище свое не сетовал, охотно откликался на него, похоже, и сам забыв даденное ему по крещению имя. Необидно ласковое прозвище даже больше подходило к нему, чем строгое крестительное имя: Егор, Георгий. Росточка он был невысокого, щупленький, худенький, но жилистый и не в меру говорливый, хотя, казалось бы, при его ремесле

столяра и плотника, которыми Прошка владел в великом умении, ему полагалось бы быть молчаливым и задумчивым.

Но Прошка был иным. По возрасту своему (ему шел уже семьдесят шестой год) он был домочадцами — женой, гораздо моложе его по годам, сыном, невесткою и двумя взрослыми внуками — почти полностью освобожден от всех домашних обязанностей и забот и безотлучно целые дни проводил с поисковиками. Веселил их несмолкаемыми разговорами, давал дельные, а иногда так и не очень, советы, где, в каких местах и в каком направлении надо вскрывать землю, вспоминал военные годы, когда он совсем еще мальчишкой вместе с матерью занимался похоронными работами, водил под узду запряженную в волокушу лошадь. Но особенно любил Прошка посидеть с поисковикам поздно вечером возле костерка, выпить с ними по рюмочке, обсудить прошедший трудовой день, повнимательней рассмотреть найденные трофеи: насквозь проржавевшие наши и немецкие автоматы и винтовки, каски, позеленевшие латунные бляхи от ремней, опять-таки, наших и немецких солдат. наших — с пятиконечной лучезарной звездой, а немецких — с угрожающей и кощунственной надписью: «Gott mit uns», что означает «С нами Бог». О найденных же солдатских останках, костях и черепах, говорили редко. Разложенные по дощатым ящичкам, (наши — отдельно, немецкие — отдельно, хотя, может быть, и ошибочно: человек, он только при жизни отличим друг от друга внешним своим обликом, дарованным ему от рождения языком-речью, да одежками, а по смерти, прахом своим, костями и черепом одинаков — они разговора и обсуждения не требовали.

* * *

За два месяца работы поисковики на месте боевых действий противоборствующих армий, немецкой — захватнической, и Красной — освободительной, солдатских останков нашли немало. Имена погибших, правда, удалось установить лишь в двух случаях: ножами или какими-нибудь иными остро заточенными инструментами-орудиями они были глубоко и аккуратно нацарапаны на немецких похожих на шлемы тевтонских псоврыцарей касках. Наши же все беспечные солдатики так и остались безымянными.

В конце августа поисковики собрались из Березанки уезжать. Они заметно уже притомились тяжкими своими трудами, да и по их прикидкам все, что можно было вырыть и найти на заливных пойменных лугах, на приготовленных уже к осенней пахоте полях и огородах, в березовых рощах и сосновых борах, они нашли и вырыли. К тому же и отпуска, в счет которых поисковики занимались изысканиями, у них заканчивались.

Прошке расставаться с поисковиками было огорчительно и жалко: где он еще найдет таких внимательных и усидчивых слушателей? От скорой разлуки с новыми своими друзьями и товарищами Прошка горестно вздыхал, печалился, стал даже приходиться на раскопки с березовым посошком, чего раньше за ним не водилось: он без всякого посошка и подмоги был еще проворен и легок в шаге.

И вот в один из последних перед расставанием вечеров, сидя с поисковиками возле костерка, Прошка, прервав обычные свои затяжные разговоры-повествования, вдруг попросил их:

— Ребята, вы бы копнули еще вон там, возле старого глинища.

Шатким сучковатым посошком он указал при этом далеко в сторону от бывших траншей и окопов, где, примыкая к смешанному березово-хвойному лесочку, действительно виднелось давно заброшенное и заросшее негустой полынью глинище.

— А что там может быть? — не очень заинтересованно переспросил его Николай Петрович, кажется, легко разгадав незамысловатую хитрость деда Прошки.

— Все может! — воодушевился тот и начал в который уже раз рассказывать о том, как в сорок третьем году, когда наши войска захватывали плацдарм, он с матерью и другими березанцами прятался именно в этом лесочке, за глинищем. Но к прежним своим рассказам Прошка добавил теперь одну подробность, которая раньше ему не вспоминалась. С уверенностью бывалого, опытного солдата он принялся вспоминать достоверную эту подробность о том, как наши бойцы цепью, правым ее краем (в пятидесяти годах Прошка служил в пехоте и считал себя большим знатоком пехотных цепей и построений), бежали вдоль глинища, а немцы, подпустив их поближе, открыли встречный, заградительный огонь. Красноармейцев и командиров полегло там немало. Женщины, старики и дети на волокушах привезли оттуда к братской могиле человек, наверное, пятнадцать, но многие могли остаться и под землей, засыпанные глиной.

— Надо бы копнуть, — заключил он основательный свой рассказ.

— Ладно, — не стал обижать Прошку Николай Петрович. — Завтра с утра поглядим...

* * *

Обещание свое Николай Петрович выполнил. Едва Прошка появился возле палаточного лагеря, он позвал Алешу, Витю и Славика и пошел вслед за настырным проводником к глинищу с необходимым для раскопок снаряжением: металлоискателем, разных размеров лопатами (штыковыми, совковыми и особой закалки и остроты — стальными, саперными), длинными железными штырями и даже с небольшой удобно складывающейся лесенкой на тот случай, если придется вдруг опускаться глубоко вниз разрытых ячеек.

По указке Прошки Николай Петрович, самолично вооружившись металлоискателем, стал переходить от одного места к другому, внимательно прислушиваться, не раздастся ли в наушниках обнадёживающий прерывистый сигнал, да на всякий случай поглядывать на заброшенные шурфы-колодцы глиняных выработок, в которые ничего не стоило провалиться. Но металлоискатель помалкивал, ничего не обнаруживая под землей. Ничего не находили там и помощники Николая Петровича, хотя, опять-таки, по подсказке Прошки, со всем прилежанием и тщательностью обследовали длинноколющими штырями заросшие луговой овсяницей и осокой подступы к глинищу.

Неразгибно трудились поисковики, ведомые Прошкой все утро, но часам к одиннадцати, когда солнце поднялось уже над речной уремой и разгорелось по-августовски жарко, они решили к великому его огорчению и расстройству работы сворачивать — больше искать было вроде бы негде, да и понапрасну.

Николай Петрович и притомившиеся ребята собрались под высокой, начавшей уже в преддверии осени кое-где желтеть листом березой, чтоб, немного передохнув, возвращаться в лагерь и готовиться к отъезду из

Березанки. Прощка больше поисковиков не останавливал и не уговаривал. Он тоже подошел к березе, повинно присел на песчано-глинистом бугорке и, прерывисто вздыхая, принялся перебирать в памяти детские свои видения, задним числом сомневаться — бежали здесь, вдоль глинища, захватывая плацдарм, красноармейцы или не бежали. Но чем больше Прощка думал и вспоминал, тем все сильнее укреплялся в вере, что все ж таки бежали и он в заблуждение поисковиков не вводит.

Белоствольной раскидистой березы, под которой поисковики сейчас собрались, тогда на опушке глинища не было. Она объявилась и проросла самосевом много позже, после войны, а в сорок третьем году от глинища, уже и тогда наполовину заброшенного, и до самой окраины села простиралось открытое луговое пространство. Малый, но зоркий и ко всему внимательный Егорка-Прощка никак ошибиться не мог: низко пригибаясь к земле и выбрасывая далеко вперед длинноствольные винтовки и автоматы с круглыми патронными дисками, красноармейцы все бежали и бежали вглубь этого пространства, а немцы, стараясь остановить их, все плотнее и плотнее стреляли из орудий и минометов. Земля от разрывов вздымалась на дыбы, гудела и дрожала, казалось, сама готовая взорваться. В этих земляных смерчах и пороховом дыму красноармейцы на минуту исчезали, падали, но когда земля оседала, а дым рассеивался, они опять, пусть и меньшим уже числом, поднимались и неудержимо бежали вперед.

Николай Петрович, впервые увидев Прощку столь задумчивым и молчаливым, подошел к нему поближе и присел рядышком, намереваясь утешить старика каким-нибудь ободряющим товарищеским словом. Длинный, будто сенные грабли, металлоискатель с насадкой на конце он положил чуть в стороне, в тени березы, так, чтоб тот не грелся и не раскалялся на солнце. Подыскивая необходимые для Прощки утешительные слова, Николай Петрович начал было закуривать сигарету и вдруг бросил ее незажженную на землю и встревожено вскинул голову. Из наушников, лежащих на травянистой кочке, доносился едва слышимый, но настойчивый сигнал, словно кто-то невидимый давал из-под земли о себе знать азбукой Морзе.

Николай Петрович подхватился на ноги, надел наушники и, приказав всем собравшимся возле березы, пребывать в полной тишине и молчании, стал сантиметр за сантиметром обследовать возвышающуюся бугорком у ее подножья луговую задержившуюся площадочку. Прощка, несмотря на его запрет, тоже подхватился и, пристроившись рядом, шепотом, вполголоса спросил:

— Есть что-нибудь?

— Похоже, есть! — на мгновение отвлекся от прослушивания Николай Петрович.

— Я же говорил, — совсем воодушевился, продвигаясь за ним шаг в шаг, Прощка, — надо копнуть...

— Копнем, — заверил Прощку Николай Петрович и, чтоб окончательно рассеять и свои, и его сомнения, протянул Прощке наушники.

Тот проворно перенял их и, спрятав за пазуху дарованную ему внуками бейсболку с длинным укрывающим от солнца глаза козырьком и какими-то непонятными иноземными надписями, приладил пружинчатую дужку поверх седеньких истончившихся волос. Наушники минуту-другую помолчали, как будто собираясь с силами, а потом зашлись в непрерывном тревожном сигнале, который все усиливался и усиливался по

мере того, как Николай Петрович, обойдя бугорок по кругу, остановил насадку металлоискателя в самом его центре. Теперь уже Прошка, погрозив пальцем и Николаю Петровичу, и Алеше с товарищами, чтоб они стояли, не шевелясь, потуже прижал ладонями к вискам наушники, и ему вдруг показалось, что оттуда, из-под земли, сигналы эти подаются специально для него, старого Прошки, как бы в награду за то, что он с самого начала был тверд и непоколебим в своей вере насчет глинища, где находка обязательно должна была обнаружиться.

Когда же Прошка вдоволь наслушался стонущих подземных сигналов и сказал про себя тому, кто подавал их: «Потерпи маленько, потерпи, сейчас добудем», Николай Петрович распорядился своим помощникам:

— Копайте вот так — по кругу.

Алеша, Витя и Славик, вооружившись лопатами, тут же принялись выполнять его приказание. Первым делом они сняли травянистый дерн и уложили его рядком под березой. Прошка еще в начальные дни раскопок заметил, что и Николай Петрович, и его подчиненные (особенно самый старший из них — Алеша) относятся к земле с полным бережением и ответственностью. Выкопав яму и отыскав в ней все, что можно было отыскать, они зарывали ее обратно и обязательно укладывали поверх сырого потревоженного грунта цельнотравяной дерн. Прошка такое поведение поисковиков всемерно одобрял и поддерживал. Земля здесь еще со времен войны вон как повреждена и изуродована. Раненая, а местами, так и вовсе убитая, мертвая земля. Столько лет прошло с той погибельной поры, а она никак не может залечить свои раны и воскреснуть к новой плодородной жизни.

Вслед за дерном на два-три штыка шла сухая серо-сыпучая супесь, а потом вдруг показалась красная с белыми прожилками и отливами глина. По краям намеченной ячейки она была каменно-твердой, веками слежавшейся в пласты и глыбы, а в самой середке, по центру, тоже сыпуче-рыхлой, и довольно легко поддавалась штыковым и совковым лопатам.

Работали ребята споро и опытно, вначале все втроем, а когда ячейка углубилась до коленей, уже поодиночке, часто подменяя друг друга, чтоб было сподручней и вольней разворачиваться в ней и выбрасывать на поверхность глину. Разгорячившись, ребята снимали рубахи и майки и теперь блестя на жарком солнце загорелыми за лето до жгуче-коричневой темноты мускулисто-натренированными телами.

— Молодцом, ребята, молодцом! — поощрял землекопов Прошка, поочередно заговаривая то с одним, то с другим, то с третьим.

В молодые свои годы он тоже был мускулисто-крепеньким, упорным и тягловым в работе. Летом, когда доводилось артельно рубить дома или заниматься на свежем воздухе каким-либо иным плотницко-столярным мастерством, Прошка непременно снимал рубаху и майку, и старшие его по возрасту напарники точно так же завидовали его силе, здоровью и загорелому, не знающему усталости телу. Теперь же дряхлый и ослабевший Прошка (чего уж тут попусту хорохориться!) нескрывая тосковал по настоящей мужской работе и несколько раз порывался спуститься в ячейку, чтоб, завладев лопатой, в полную силу потрудиться, тем более при такой, считай, похоронной работе, которую, может быть, надлежало бы свершать именно старому, пожилому человеку.

Но Николай Петрович каждый раз останавливал его, словно берег для каких-то иных, еще более ответственных дел.

В перерыв, когда ребята сменялись в яме, Николай Петрович опустил в красно-горячую ее глубину металлоискатель, напряженно прислушивался к его то отрывисто-кратким, то, наоборот, протяжно-длинным сигналам и подбадривал неумолимых работников:

— Ближе уже.

Но было вовсе еще и не близко. Ребята, углубляя и расширяя ячейку, проходили штык за штыком, но ничего в ней пока не отыскивалось: ни латунно-медной пряжки от солдатского ремня, ни разрозненных деталей винтовок и автоматов, ни даже стреляных гильз, которые в других местах встречались чаще всего. Прошка не на шутку обеспокоился таким обстоятельством и, подступая поближе к Николаю Петровичу, принимался подсказывать ему:

— Левее надо было взять! Левее!

— Возьмем и левее, — успокаивал Прошку Николай Петрович и опять опускал в ячейку металлоискатель, не дожидаясь даже пересменки ребят.

И вот во время одного из таких погружений металлоискатель зашелся в неостановимом пронзительном сигнале.

— Осторожнее! — крикнул Николай Петрович работающему в эти минуты в ячейке Алеше.

Но тот уже сам, без всякого напоминания Николая Петровича понял, что надо работать осторожней и бережливей. Он отбросил в сторону лопату, опустился на колени и начал где ладонями, а где одними только чуткими, ловкими пальцами разгребать сухую даже здесь на полтораараметровой глубине глину.

Все остальные работники во главе с Николаем Петровичем сгрудились наверху, у самого обрыва ячейки, понапрасну стараясь определить, что там проявляется под ладонями и пальцами Алеши. Но пока ничего не было видно: вздрагивающей своей от напряженной работы и учащенного дыхания спиной он застил все днище раскопок.

Прошка, нарушая приказания Николая Петровича, самовольно вздумал было спуститься по лесенке Алеше на подмогу, но тот наконец разогнулся, отпрянул спиной к холодной глиняной стенке и, с трудом сдерживая волнение, проговорил сдавленным тревожным полусшепотом:

— Глядите...

Все глянули и в первое мгновение не могли сказать в ответ Алеше ни единого слова. Даже словоохотливый, непоседливый Славик и тот затих, не в силах ничего произнести и выговорить. Горячий, яркий луч солнца, пробившись сквозь зелено-багряную занавесь березовых ветвей и листьев, осветил на дне ямы молодое, не тронутое тлением лицо погибшего в бою солдата. Было оно худым и изможденным, но не землисто-серым, каким обычно бывает у умерших людей, а светло-коричневым, загорелым, совсем, как у Алеши, Вити и Славика.

Раньше других опомнился и пришел в себя Николай Петрович.

— Ничего не трогай и вылезай наверх! — отдал он приказание Алеше.

Тот беспрекословно подчинился этому приказанию, выбрался на поверхность и, переводя дыхание, тяжело присел на глиняной насыпи. Долговязый Витька протянул Алеше фляжку с водой, а Прошка тут же вытащил из-за пазухи бейсболку, аккуратно расправил ее и передал Алеше, чтоб тот мог прикрыть от солнца и ветра-сквозняка разгоряченную во время работы голову. Алеша ни от фляжки, ни от внимания Прошки не отказался. Он долго вздохнул воду, пока фляжка не опорожнилась до

самого доньшка, потом натянул бейсболку на голову и теперь уже с высоты глиняного бугорка посмотрел на лицо обнаруженного им солдата.

— Надо же! — все так же, полупшепотом, словно робея собственного голоса, произнес он. — Среду такого не было...

— По Божией воле и промыслу, — легонько и успокоительно прикоснулся к плечу Алеши заскорузлой стариковской ладонью Прошка, — может быть еще и не такое.

Николай Петрович вмешиваться в их переговоры не стал. Добыв из рабочей походной сумки обыкновенный мастерок-кельму, которым пользуются печники-каменщики и целый набор разных по размеру кисточек, он спустился по лесенке в ячейку. Точно так же, как и Алеша, Николай Петрович встал вплотную к стенке на колени и принялся кельмой и кисточками дальше высвобождать из глиняного плена солдата. Алеша со своего бугорка, а Прошка с Витькой и Славиком, пристроившись на противоположном обрыве ячейки, неотрывно следили за каждым его движением. Из-под рук Николая Петровича вначале показалась по-юношески тоненькая шея, потом белым-белая гимнастерка с погонами рядового бойца Красной Армии. Судя по этой гимнастерке, воевал он давно, по крайней мере, все лето, и она выгорела на палящем солнце до первоизданной холщевой белизны. На ремне, туго защелкнутым на талии пряжкой с потемневшей, но все равно хорошо различимой звездой, были приторочены — с правой стороны подсумок и точно такая же, как у поисковиков, алюминиевая фляжка, а с левой, выглядывая из-за бедра, — саперная стальная лопатка. Брюки-галифе у солдата тоже были выгоревшими до белизны и, чувствовалось, немало уже ношенные, в нескольких местах наспех зашитые широкими стежками. Обут красноармеец был в грубые солдатские ботинки с идущими почти до самых коленей обмотками, удивительным образом сохранившими зеленый защитный цвет.

Широко, вразлет разметанные руки солдата Николай Петрович высвободил из-под глины в самом конце раскопок, и тут обнаружилось, что в правой ведущей руке тот держит крепко зажатую ладонью за цевье винтовку-трехлинейку, а левую в последнее мгновение жизни обронил вольно, словно давая ей отдохнуть от тяжелых солдатских трудов.

Но больше всего поразили и Николая Петровича, и заглядывающих в ячейку ребят, и Прошку березовые розоватые корни, которые охранно оплели солдатское тело по груди и поясу. Казалось, они навечно связывают его с землей и ни за что не хотят отпускать наверх.

— Подайте секатор! — разгибаясь в полный рост, попросил Николай Петрович.

Алеша, уже воспрянувший духом после минутного забвения, протянул ему обыкновенный садовый секатор на длинных ручках, который на такой вот случай, когда приходилось в глубине раскопанной ячейки обрезать корни деревьев и кустарников, в запасе у поисковиков был.

Николай Петрович перехватил секатор и, опять припав на колени, осторожно и умело обрезал коренья. Витя и Славик забрали их у него и отнесли за глиняную насыпь в заросли полыни, чтоб они не мешали в дальнейшей работе. Корни были еще живые, наполненные соком, но отсоединенные от березового ствола, как-то сразу померкли, потеряли упругость и жертвенно легли в полынные белесые заросли.

Пока ребята относили обрезки корней, Николай Петрович мягкой невесомой кисточкой обмел с груди солдата густо обронившиеся на нее комочки глины. Когда же он кисточку отнял, то все увидели, что на ле-

вой стороне груди солдата, захватывая и накладной, застегнутый на пуговку карман темнеет широкое с рваными краями пятно. Глядя на это пятно и разметавшиеся в предсмертном шаге руки, нетрудно было догадаться и понять, как солдат погиб. Вражеская свинцовая пуля попала ему в самое сердце. Солдат зашнулся на стремительном своем бегу, взмахнул руками и упал навзничь в глубокий глиняный шурф, через который всего за мгновение до этого перепрыгнул. От близкого разрыва снаряда глина рядом с шурфом вздыбилась и навсегда засыпала, похоронила его в отдельной, единолично доставшейся только ему могиле. Потом год за годом поверх глиняной насыпи влажным, речным, и суховеинным, полевым, ветрами нанесло тоненький слой плодородного грунта; он пророс луговой овсяницей, осокой, неброскими цветами (по большей части желто-горячими лютиками), которые невидимо сокрыли могилу, не обозначенную ни православным крестом, ни пирамидой-звездочкой, ни хотя бы сколь-ко-нибудь приметным бугорком-холмиком.

Освободив грудь солдата от березовых корней и глиняных комьев, Николай Петрович уже хотел было подниматься по лесенке наверх, чтоб обсудить с Прошкой и ребятами, как поступать с обретенным солдатом дальше, но вдруг в прорези расстегнутой его гимнастерки он заметил ярко блеснувший и будто загоревшийся под лучами проникшего в глубину ячейки солнца огонек-искорку. Николай Петрович замедлил шаг, снова низко склонился над солдатом и бережно извлек из прорези гимнастерки вначале серебряный крестик, покоившийся тоже на серебряной тонкого плетения цепочке, а потом изготовленную в виде махонькой дощечки (опять-таки из серебра) иконку-ладанку. Солнечный луч, обходя плечо Николая Петровича, высветил на крестике не помутневшее ни единой черточкой за долгие годы лежания в подземелье распятие, а на ладанке такой же чистоты и ясности икону Тихвинской Божией Матери, извечной заступницы и охранительницы воинства. Удерживая обе находки на ладони, Николай Петрович перевернул ладанку тыльной стороной и вдруг обнаружил там надпись.

— Самохин Иван Тихонович, — вслух начал читать он, — тысяча девятьсот двадцать третьего года рождения, село Знаменка, Ярцевского района, Смоленской области.

Прошка и ребята-поисковики, затаив дыхание, внимали голосу Николая Петровича да издалека смотрели на серебряный нательный крестик солдата и словно обновившуюся в лучах утреннего солнца икону Божией Матери.

Наконец Прошка глубоко, но как-то по-стариковски робко вздохнув, прервал это молчание:

— Комсомолец, должно быть, а верил...

— На войне все верят, — тоже утишив голос, из темноты ячейки отозвался Николай Петрович, сам побывавший на двух войнах, раненный там и контуженный.

Он вернул крестик и иконку-ладанку на прежнее их место и попробовал извлечь из левого нагрудного кармана убитого солдатскую книжку и комсомольский билет, чтоб прочитать и там фамилию, имя и отчество солдата и удостовериться, что они точно такие же, как и на тыльной стороне ладанки. Но ничего из попыток у Николая Петровича не вышло: солдатская книжка и комсомольский билет были повреждены, разорваны пробившей их пулей и густо, нечитаемо, залиты кровью. Он обратно застегнул на кармане пуговку, разгладил образовавшуюся складочку, но

прежде чем шагнуть к лесенке, еще раз, теперь уже про себя, повторил для более прочного и твердого запоминания отчетливо обозначенные на ладанке слова. Похоже, бумажным легко уничтожаемым документам, погибший солдат не особенно доверял, а вот надписи на ладанке верил крепко и незыблемо.

Призван он был на фронт (или ушел добровольно, как уходили тогда многие его нетерпеливые ровесники, едва-едва успевшие окончить школу-десятилетку), скорее всего, еще до оборонительных тяжелых боев у стен Смоленска и занятия его немцами.

Серебряный нательный крестик и иконку Тихвинской Божией Матери-Заступницы, несмотря на комсомольские его клятвы, тайком надела на грудь своему, может быть, и единственному неудержимо рвущемуся на войну сыну Ивану, Ване, мать. В минуту разлуки, перед отправкой в Ярцево пешим порядком или на какой-нибудь шаткой колхозной телеге, мать крепко обняла его, поцеловала и осенила напутственным крестным знаменем.

И вот это крестное знамение, нательный серебряный крестик, иконка-ладанка, материнское объятие, поцелуи и слезы почти два долгих года хранили Ивана от гибели. Не каждому солдату, тем более солдату-пехотинцу, выпадала на войне такая участь и такое счастье. Смертельная вражеская пуля настигла его лишь осенью сорок третьего года на правом берегу реки Десны, у старого заброшенного глиница, совсем уже неподалеку от родной его Смоленщины.

— Что будем делать? — выбравшись из ячейки, обратился почему-то к одному только Прошке Николай Петрович.

— Как что, — еще раз острым, пронзительным взглядом окинул тот недвижимо и выжидательно лежащего на дне глиняного склепа солдата. — Надо позвать из церкви отца Михаила.

— Пожалуй, что и верно, — согласился с ним Николай Петрович и тут же отдал приказание всегда быстрому на ногу Славику: — Сбегай в храм, позови батюшку.

Славику дважды повторять приказание не надо было. Он накинул майку и нацелился было мчаться к церкви, что виднелась голубой маковкой поверх деревенских крыш и деревьев на высоком холмике, рядом со школой. Но совсем неожиданно объявились в подмену Славику еще более проворные гонцы и посланники. Мимо глиница, от реки в деревню, шли с удочками в руках мальчишки, большие охотники до утренней рыбалки и купания. Заметив под березой деда Прошку и поисковиков, с которыми они за лето, часто бывая на раскопках, успели хорошо подружиться, знали всех поименно и пофамильно, свернули туда с наторенной луговой тропинки. Прошка вздумал было поначалу не пускать их к разрытой ячейке, боясь, что мальчишки заребуют при виде обретенного солдата, но те, ловко ускользнув от деда, без всякого позволения просочились к глиняной насыпи и заглянули вниз. Заребели, приметно даже побелев личиками, только самые маленькие, дошкольного еще, почти младенческого возраста ребята, а те, что постарше, глядели безбоязненно и внимательно. Они лишь непривычно для себя примолкли и, соприкасаясь высоко над головами ореховыми гибкими удочками, потеснее сошлись у насыпи. Прошка, видя стойкую храбрость мальчишек, простил им их непослушание и вместо Славика, который мог в любую минуту понадобиться возле ячейки, вызвал к себе самого старшего и надежного по возрасту рыбака и купальщика.

— Василек, — быстро признав, чей мальчишка, какого деревенского рода и фамилии, наказал он ему, — беги в церковь и скажи отцу Михаилу, чтоб немедленно шел сюда — найден, мол, нетленный солдат.

Василек, Васька, ощутив гордость, что поручение дадено именно ему, бросил суюв удочку и лозовую связку с рыбой — плотвичками, красноперками и окуньками, в траву и прямо по лугу, чтоб спрямить и ускорить дорогу, побежал в деревню.

Остальные мальчишки, отпрянув от ячейки, окружили плотным кольцом Алешу, Витю и Славика и начали вполголоса, с оглядкой на Николая Петровича и Прошку, которых все ж таки немного побаивались, расспрашивать, как отыскался в земле солдат и почему он лежит, будто живый.

Николай Петрович тем временем принялся звонить по диковинному для Прошки, умеющемуся целиком в ладошке мобильному телефону.

— Ты куда это?! — поинтересовался Прошка.

— В военкомат.

— И зачем?

— Ну, как — зачем?! — престал колдовать над мобильником Николай Петрович. — Солдата все-таки нашли, без военкомата нельзя.

— Эт ты зря! — осудил его Прошка. — Сейчас налетят вороньем, все испортят.

— Что испортят?! — не совсем понял Николай Петрович.

— А все и испортят, — еще более туманно и обиженно ответил Прошка.

Николай Петрович вступать в дальнейшие собеседования с ним поостерегся, зная, что Прошка в иных случаях бывает на редкость неуступчивым и твердым. Опять прижав телефон к уху, он отошел за глиняную насыпь, в заросли полыни, где ему никто не мог помешать, и стал по-военному четко докладывать в военкомат о неожиданной находке в селе Березанке, на краю заброшенного глинища.

— Сейчас подъедут, — закончив разговор, известил он Прошку, надеясь, что тот смягчится и поймет Николая Петровича, который по-иному поступить никак не мог. Раскопки повсеместно велись, хоть и не под очень настойчивым, но все-таки пристроим военкоматов, и доложить туда полагалось и по военному уставу, и по гражданскому закону.

— Пускай едут, — действительно немного оттаял душою и как бы даже пренебрег известием Николая Петровича Прошка.

Прикрываясь ладонью от встречного солнца, он принялся дальнорочно высматривать не появится ли на тропинке отец Михаил. С полчаса никого видно не было: тропинка и луг гляделись пустынными и заброшенными, будто по ним никто и никогда не хаживал. Но вот из-за лозовых низкорослых кустов, окаймлявших деревенские огороды, показался вначале Васька-гонец, а потом, почти ни на шаг не отставая от него, и отец Михаил. Был он в посеребренной широко развевающейся на ветру ризе и голубой камилавке, которые, должно быть, услышав рассказ Васьки о нетленном солдате, забыл или не успел снять. Риза ярко горела, искрилась на солнце, а камилавка сливалась в один цвет с голубой маковкой церкви и заголубевшим на горизонте, наверное, к дождю небом.

Подбежав к разрытой ячейке, отец Михаил вначале было растерялся (ему тоже никогда прежде присутствовать, а тем более совершать молебен при обретении нетленного тела не доводилось), но потом успокоил шаг и дыхание и, осенив себя крестным знамением, взглянул на солдата.

— На нем и крест есть, и иконка-ладанка! — упреждая Николая Петровича, объяснил Прошка.

Отец Михаил опять свершил крестное знамение, взял в руки наперсный крест и начал проникновенно читать молитву-Трисвятое, которая после недавно завершенной заутренней службы, похоже, была еще у него на устах: «Святыи Боже, Святыи крепкий, Святыи бессмертный...»

Предельно кратких ее покаянно-клятвенных слов никто, кроме Прошки, достоверно не знал, но все: и маленькие притихшие мальчишки, и молодые ребята-поисковики, и серьезно-суровый Николай Петрович почувствовали, что так сейчас надо, что без молитвенного слова и возгласа сейчас никак нельзя.

Молитву отец Михаил прочитал, как и полагается, троекратно, за каждым разом все больше и больше сплачивая и объединяя вокруг разрытой ячейки детей-подростков, взрослых мужчин и деда Прошка.

Они действительно объединились, верующие и не очень верующие, забыли обо всех своих предстоящих делах и не заметили, как едва различимая прежде на горизонте тучка стремительно начала продвигаться по небу, играть многоцветной, все ярче и ярче проступающей радугой. Но вот она зависла над глинищем и с нее вдруг сорвались крупно-тяжелые капли солнечного слепого дождя.

Отец Михаил осенил себя крестным знамением и с беспокойством посмотрел на тучу, начавшую опасно темнеть и скрывать полоска за полоской радугу. Не смогил утаить тревогу при виде надвигающейся тучи и поисковики. Всякий раз, собираясь на раскопки, они захватывали с собой на случай дождя вместе с инструментами и солдатскую непромокаемую плащ-палатку. А сегодня опрометчиво оставили ее в лагере: день обещался быть вроде бы сухим, ведренным, да и, несмотря на заверения Прошки, ничего отыскать они не надеялись...

А туча над глинищем между тем все темнела и сгущалась, грозясь разразиться настоящим ливнем: всего еще несколько минут тому назад, хотя и крупные, но вовсе неопасные капли теперь слились в хорошо различимые дождевые полосы. Обретенного солдата, навзничь лежащего на дне глиняной ячейки, надо было чем-то срочно от них защитить. Поисковики заметили, начали поспешно собирать свои рубахи, майки, но всех вдруг опередил отец Михаил. Он быстро снял с плеч епитрахиль и серебряно-белую ризу и протянул их Николаю Петровичу:

— Укройте!

Николай Петрович ловко подхватил одежды-облачения отца Михаила, спустился по лесенке в ячейку и тщательно укрыл ими солдата, оставив на виду лишь светло-коричневое, будто загоревшее его лицо, которому теперь никакой дождь повредить, наверное, уже не мог.

Дождь и вправду минут пять-десять шел обильным непроглядным потоком, заставив всех спрятаться под березой, но потом вдруг словно кто-то невидимый обрезал его точно по краю глиняной насыпи. Косые дождевые струи с тяжестью и надземным шумом падали на бесплодное глинище, на луг, на реку, застили от взгляда шиферно-серые крыши деревенских домов и голубую церковную маковку, а над убежищем солдата ярко сияло августовское жаркое солнце.

— Ты погляди! — изумился этому явлению Прошка, поплотнее прижимаясь к стволу березы.

Николай Петрович с помощниками тоже немало удивились увиденному, а самые младшие неразумные еще мальчишки-дети так даже опять

зарабел и, побросав удочки, начали искать защиты возле деда Прошки. И лишь один отец Михаил ничему не удивился и не пришел в боязливое изумление, а, словно продолжая молитву, произнес:

— Все в руках Божиих!

Когда же туча, гонимая ветром, уплыла за реку, унося туда с собой скоротечный слепой дождь, он твердым шагом вышел из-под березового листовенного шатра, будто из-под Царских врат, и направился к ячейке.

В ее глубине ничего не повредилось и не порушилось: стенки ячейки были почти сухими, нигде не оплыли, не взялись влажными разводами и потоками. Только на епитрахили и ризе отца Михаила кое-где виднелись небольшие лужицы-озерца дождевой прозрачной воды, да лицо солдата было омытым, по-утреннему чистым и свежим.

— Как живой! — созерцая обновленного солдата, не преминул воскликнуть Прошка и настоятельно призвал к обрыву ячейки малых детей и ребят-подростков, чтоб те тоже посмотрели на омытого дождем, будто живого и воскресшего солдата.

Николай Петрович и отец Михаил не стали мешать наставительной беседе Прошки с детьми, а отойдя в сторону, принялись обсуждать и советовать, как быть и как поступать с солдатом дальше.

Но не успели они перемолвиться еще и двумя-тремя словами, как из деревенской улицы, бороздя и ломая пешеходную тропинку, выметнулась на луг легковая бежевого цвета машина «Волга». В мгновение ока она круто развернулась возле ячейки, и из нее выбрался крупнотелый, тучный мужчина в белой рубашке с короткими рукавами, но при тяжелом клонящем его голову книзу галстуке.

— Военком, — почему-то вздохнул Николай Петрович и пошел на встречу мужчине.

А Прошка остался к нему совершенно безучастным. Несмотря на свою тучность и важность, военком не произвел на него никакого впечатления. Прошка еще с давней своей юности, когда он только собирался идти служить в армию, привык к тому, что военком — это всегда человек военный (не зря же он и зовется военным комиссаром), в значительном даже звании — подполковник или, в крайнем случае, майор. Этот же, хотя и был надменно-важным и при разлапистом галстуке, но гражданским, нестроеным. На нем, как и на нынешнем министре обороны, тоже человеку сугубо гражданском, трудно было представить туго затянутый ремень, портупею через плечо и погоны. Никакой власти такого военного комиссара Прошка над собой признавать не желал. С места он не стронулся, а, опершись на посошок, стоял возле глиняной насыпи в окружении мальчишек и без всякого волнения дожидался, пока тот в сопровождении Николая Петровича подойдет поближе.

Военком, в свою очередь, тоже не обратил особого внимания ни на Прошку, ни на отца Михаила, который без облачения мало чем был похож на священника-батюшку — обыкновенный деревенский мужик, да и только, ни на Алешу с Витей и Славиком, ни тем более на малых беспокорных мальчишек — как будто здесь, у глиняной насыпи, никого из них вовсе не было. Тяжело, по-медвежьему переваливаясь с ноги на ногу, он подошел к краю раскопок и, еще не заглядывая в их глубину, немного как бы с досадой и недовольством спросил у Николая Петровича:

— Ну, что тут у вас?!

— Да вот, — подробно не распространяясь, указал ему на нетленного солдата Николай Петрович.

— Та-ак, — долго и придирчиво смотрел в ячейку военком.

Все в тревоге примолкли, ожидая от него самого справедливого решения. И военком решение это принял. Уверенной рукой поправив на шее ослабевший под собственной тяжестью галстук, он, несмотря на всю свою важность и значительность, сказал действительно справедливо и разумно:

— Ну что ж, похороним с отданием воинским почестей! Что здесь неясно?!

Он собрался уже возвращаться назад к машине, но тут Прошка неожиданно для всех и в первую очередь для гражданского военкома выказал свой характер. Он вышагнул из рядов и тени мальчишек и застыл в шаге от грозного военкома, невысокий росточком, поседевший, но крепенький в эти минуты, телом и духом.

— Больно ты скор, — смело и с вызовом сказал он ему, — похороним...

— А что же иначе?! — только сейчас, кажется, и увидел Прошку военком. — Под открытым небом оставим, что ли?!

— А это все в Божией власти, не нашей, — почти точь-в-точь повторив слова отца Михаила, произнес Прошка,

— Ну-ну! — только и нашелся, что ответить ему, военком.

Он непредвиденно ловко для своего отяжелевшего тела развернулся и пошел назад к машине. Но прежде, чем сесть в нее, подозвал к себе Николая Петровича и предупредил его:

— Куда надо, мы сообщим!

— Хорошо, — пожал ему руку Николай Петрович, и на том все переговоры с военкомом завершились.

Шофер сразу, как только военком захлопнул дверцу, завел машину, и она стремительно помчалась в село, поднимая позади себя пыль, неизвестно откуда взявшуюся на мокром после дождя лугу...

* * *

Слух о том, что поисковики нашли на старом глинище нетленного солдата, быстро облетел все село. Принесли его туда малые мальчишки-рыбаки, которые, забоявшись, что матери будут их ругать за долгую отлучку, разбежались по домам, едва только военкомовская машина отъехала от глинища. Ну, а коль узнали о нетленном солдате женщины, то слух о нем уже как бы сам собой побежал от дома к дому, от подворья к подворью, тревожа и поднимая на ноги всю Березанку.

Поисковики ни о чем еще не договорились и ничего определенного не решили (вернули лишь отцу Михаилу епитрахиль и ризу, открыв опять солдата полуденному свету и солнцу), как от села к глинищу стал стекаться и прибывать народ: не занятые на осенних полевых работах старики и старухи, шустрые мальчишки, которые нескрывая завидовали своим сверстникам, прознавшим о нетленном солдате раньше их. Теперь они старались наверстать упущенное и, обгоняя друг друга, бежали кто по разрушенной военкомовской машиной тропинке, а кто лугом, примыкавшими к глинищу дальними огородами и илистым речным берегом. Прервав самую срочную страду-жатву, появились на окраине села и занятые на полевой этой страде мужчины и женщины.

Но впереди всех, сопровождаемый внуком, шел, ощупывая дорогу длинной тоненькой палочкой, последний оставшийся в Березанке в жи-

вых солдат-фронтовик Сергей Махоткин. Во время войны на подступах к городу Будапешту он был тяжело ранен в голову, еще тяжелее контужен и почти полностью потерял зрение. Увечью своему Сергей, правда, не поддался, не впал в отчаяние, а, обходясь остатками зрения, работал в колхозе наравне с остальными здоровыми мужчинами, удачно женился на деревенской подростке к его возвращению с войны и госпиталя девочке, родил троих сыновей. Но постепенно зрение Сергея все-таки покинуло, и лет десять, а то и все пятнадцать он пребывал уже в непроглядной кромешной темноте. Жена, сыновья и внуки возили его по разным больницам, клиникам и глазным институтам, вплоть до московских повсеместно известных, но врачи лишь разводили руками: сами по себе глаза Сергея для его возраста были не так уж и плохи и еще могли служить и служить ему. Вся же беда Сергея заключалась в том, что в результате фронтového ранения и особенно контузии у него повредились глазные нервы, а против такого увечья наука и врачебное искусство, говорят, пока что бессильны.

Сергея с внуком на тропинке никто, даже нетерпеливые мальчишки, обгонять не решались, чувствуя и понимая, что он, фронтовик и участник войны, должен приблизиться к обретенному солдату первым. Пусть Сергей его и не увидит, но ощутить ощутит и уже от одного этого поздоровеет и укрепится силами.

К приходу Сергея Махоткина отец Михаил снова облачился в ризу и епитрахиль, словно перед самой торжественной службой и литургией. Прошка тоже подобрался, отряхнул с рубахи и брюк налипшие глиняные крошки и всякие иные соринки и встал рядом с бабушкой, готовый встречать односельчан приветливо-обходительным словом, объяснять любому и каждому, что тут на глинице и как случилось.

Сергей Махоткин по разговору и негромкому покашливанию Прошки догадался, что тот здесь на боевом посту и что без него столь необыкновенное происшествие никак обойтись не могло. Он легонько постучал палочкой возле обутых в летние переплетенные наперекрест всего двумя кожаными полосками сандалий Прошки и попросил, обращаясь по природному его имени:

— Егор, подведи меня к нему!

— Так он ведь пока на глубине, в ячейке! — не предвидя такой просьбы Сергея, растерялся тот.

— Ничего, — не отступал от своего намерения Сергей. — Лесенка небось есть?

— Лесенка есть, — с готовностью отозвался Прошка.

— Я и спущусь по ней, — опять постучал впереди себя палочкой по травяному насту Сергей. — Ты только укажи — куда.

Прошка подхватил Сергея под руку и начал подводить к обрыву ячейки, безошибочно метя на выглядывающую из ее недр алюминиевую рабочую лесенку поисковиков. Ему принялись помогать внук Сергея, ребята-поисковики, Николай Петрович и даже отец Михаил, обнимая и придерживая незрячего фронтовика за плечи. Но Сергей, нащупав руками лесенку, дал им знать, что он и сам справится. За долгие годы слепоты Сергей привык и приловчился все, что было ему возможно и доступно, делать самостоятельно, никого не обременяя излишней о себе заботой: одевался-обувался, аккуратно брился опасной бритвой-складеньком, помогал жене по дому и двору, мог даже (понятно, когда был помоложе) принести от колодца ведерко-другое воды.

Пошатав лесенку из стороны в сторону и убедившись, что она стоит прочно, Сергей развернулся и начал ощупывать ногой первую перекладинку, чтоб, вступив на нее, погрузиться в ячейку. Но тут его вдруг опередил неугомонный Прошка:

— Погоди немного, — остановил он Сергея, — я спущусь вперед, чтоб принять тебя на глубине.

— Спускайся, — дал согласие на его помощь Сергей и, пропуская Прошку, отступил на шаг от обрыва.

Прошка на редкость проворно для своего тоже уже немолодого возраста проник в ячейку и крикнул оттуда, из подземелья, Сергею:

— Давай!

Сергей, оставив на поверхности ореховую свою палочку-поводыря, опять нащупал ногой ступеньку и стал спускаться в ячейку. Прошка удачно принял его, прислонил к глиняной стене, потом подождал немного, пока Сергей устоится, обретет равновесие и подсказал:

— Теперь склоняйся на колени.

Сергей, скользя и придерживаясь плечом о стенку, выполнил команду и требование Прошки, опустился на узенькую глиняную площадочку по правую сторону от солдата. Прошка сделал то же самое по левую сторону.

— Где он? — повел впереди себя рукой Сергей.

— Пониже опусти ладонь, пониже, — подсказал Прошка.

Сергей снова безропотно подчинился ему, опустил ладонь как можно ниже, к самой земле и угодил солдату на плечо и погон. Осторожно, но крепко, он сдал худое это, угловатое плечо, будто поздоровался с солдатом, которого когда-то хорошо знал, но непредвиденно, как часто и случалось на войне, разлучился с ним на фронтовых дорогах.

Секунду помедлив, Сергей все так же бережно и чутко начал перебирать пальцами дальше, продвигаясь к лицу солдата. Вначале он прикоснулся к его щеке, потом к виску и коротко остриженным, не потерявшим своей жесткости волосам.

— Молодой? — уследив по учащенному дыханию, где находится Прошка, спросил он:

— Молодой, — утвердительно и разборчиво ответил тот. — Двадцать третьего года рождения. Иваном зовут, из-под Смоленска.

— Годок, — погладил Сергей солдата по стриженной, почти детской еще голове, словно малого, невыросшего ребенка, который годился теперь ему в сыновья, внуки и правнуки.

— На нем и крест есть, и иконка-ладанка Пресвятой Богородицы, — опять вступил в разговор Прошка. — Там все и написано: кто он и откуда.

Но Сергей оставил этот доклад Прошки пока без внимания, словно намеренно откладывая его на будущее, когда они поднимутся из ямы на поверхность и взаимно успокоятся. А сейчас он спросил Прошку совсем о другом:

— Куда его убило?

— В самое сердце, — после краткого молчания сказал Прошка.

— Легкая смерть, — словно завидуя солдату, вздохнул Сергей. — Мгновенная.

Он подвинул руку с его головы на грудь, обнаружил там крест и иконку, но не тронул их, как того ожидал Прошка, а закрыл широкой своей отяжелевшей за долгую жизнь и неустанную крестьянскую работу ладо-

ню рану солдата под левым карманом гимнастерки, как будто хотел охранить его от летящей смертельной пули.

В недвижимом этом положении Сергей стоял долго над поверженным солдатом, к чему-то напряженно прислушивался внутри самого себя, что-то обретал и никак не мог поверить этому обретению.

— Я вижу его, — вдруг взволнованно и тревожно произнес он.

— Кого? — вначале ничего не понял в словах Сергея Прошка.

— Солдата, — уже чуть громче, твердея голосом в каждом звуке, проговорил тот. — Лицо его вижу, грудь, винтовку в руке, крест и ладанку на груди... И тебя, Прошка, вижу. Седой ты весь и щуплый.

Прошка замер, безмолвно прислонившись спиной к глиняной стенке. Замерли наверху ячейки, расслышав получше, чем туговатый на ухо Прошка, слова Сергея, Николай Петрович, отец Михаил и ребята-поисковики.

А Сергей, все так же не отрывая ладони от груди солдата, высоко запрокинул голову и, просветлев всегда по-старчески темным лицом и затянутыми незрячей пеленой глазами, сказал уже совсем уверенно и отчетливо:

— Березу вижу и солнце.

Он опять сам по себе, отвергая помощь Прошки, поднялся с коленей, отыскал взглядом лесенку и поднялся наверх. Там его сразу окружили односельчане и поисковики и начали наперебой спрашивать, до конца еще не веря откровениям Сергея:

— Правда, видишь?!

— Вижу, — рассеял все их сомнения тот и безошибочно указал на своего внука. — Вот это внук мой, Сергей, очень похож на меня в молодости.

Это было и вправду так. Старики и старухи, которые помнили Сергея Махоткина в молодые его довоенные и послевоенные годы, говорили ему всегда то же самое, мол, Сережа больше похож на деда, чем на отца с матерью. Теперь же Сергей сам убедился и удостоверился в этом. Он обнял, прижал внука к себе твердой, обретшей уверенность в движении, будто тоже в одно мгновение прозревшей рукой и сказал, не скрывая своей радости:

— наших кровей, махоткинских.

Стал Сергей узнавать и других березанцев, называть их по именам и фамилиям, опять несказанно радовался этому узнаванию сам и радовал все тесней и тесней окружавших его односельчан, которые намеренно старались попасться ему на глаза и окончательно утвердиться в вере, что ни в чем не обманывает их Сергей — видит все вокруг и различает.

Пока длилось это узнавание, Прошка тоже выбрался из ячейки и, переходя от одной стайки березанцев к другой, восторженно рассказывал, как там, на глубине, все случилось, как Сергей, положив руку на просторную грудь солдата, вдруг прозрел, увидел вначале убиенного, а потом и его, Прошку, и ни на вот столечки не ошибся, что это именно он, Егор Дмитриевич, весь седой и белый, в клетчатой летней рубаше.

Прошку все внимательно слушали, интересуясь самыми малыми подробностями произошедшего, а когда тот умолк, несколько человек, которых давно тоже одолевали неизлечимые болезни и увечья, робко спросили его, нельзя ли и им спуститься к солдату.

— Это как отец Михаил решит, — не посмел дать подобное позволение Прошка.

Болящие начали пробиваться сквозь толпу к отцу Михаилу, но в шаг от него остановились и безропотно притихли. Отец Михаил вдруг негромким, но по-особому проникновенным голосом стал читать молитву на обречение святых мощей, хотя без разрешения высшей духовной власти, может, и не имел на то должного права: «Ныне силы небесныя с нами невидимо служат, се бо входит Царь славы, се жертва тайная совершена дароносится...» Кто как умел и мог, поддержали его, и торжественно-скорбное это песнопение широко растеклось по суховейному глинищу и по лугу.

Не пел лишь один Сергей Махоткин. Он все глядел и никак не мог наглядеться на это пожухлое к осени глинище, на высокоствольную березу, на луг и речку, но больше всего на прозрачное голубое небо, заново обретая его и как будто заново нарождаясь на свет Божий.

Когда соборная молитва была завершена, отец Михаил, троекратно благословил березанцев крестным знамением и повелел им расходиться по домам до нужного часа. Но никто уходить не торопился. Березанцы еще теснее сгрудились вокруг разрытой ячейки, стараясь хоть краешком глаза посмотреть на нетленного солдата, а болящие, наконец, пробившись к отцу Михаилу, принялись слезно просить у него позволения спуститься к солдату по лесенке

— Не надо его пока тревожить, — удержал их отец Михаил. — Моей власти здесь мало...

Березанцы вроде бы и согласились с отцом Михаилом, что только высшие духовные лица могут определить участь нетленного солдата, признать его мощи святыми или не признать, но вместе с тем и тревожились, как скоро это случится и где быть до той поры обретенному.

И тут вдруг возник рядом с отцом Михаилом совсем было затерявшийся в толпе Прошка.

— В раку его надо заключить, — подсказал он верное, неоспоримое решение. — Заключить и в церкви под Престолом поставить. А там видно будет...

Отец Михаил окинул притихшую стайку своих не всегда прилежных в служении и церковных обрядах прихожан пристальным пастырским взглядом, словно советуясь с ними и совместно сомневаясь, дозволено так поступить или не дозволено, потом перевел взыскающий этот взгляд на нетленного солдата и, наконец, спросил выжидающе застывшего Прошку:

— А ты раку смастерить сумеешь?

— Отчего ж не сумею, — загорелся просьбой-наказом отца Михаила Прошка. — Сладим с Божией помощью.

— Тогда и благослови тебя Бог! — осенил Прошку наперсным крестом отец Михаил. — А мы все будем молиться и ждать...

* * *

Молва о нетленном, обретенном в Березанке солдате быстро облетела все окрестные деревни и села, и к нему потянулись пешие, конные и автомобильные паломники. Но на подступах к глинищу их неприступным кордоном встречали поисковики, которые переместили туда свою палатку и теперь несли посменно караульную службу. Каждодневно был там и кто-нибудь из добровольных церковных помощников отца Михаила (а часто и он сам). Встречая паломников, караульщики сочувственно, но непреклонно говорили им:

— Пока рано. Вот заключим в раку, получим благословение высших духовных властей, тогда и приезжайте.

Паломники на эти запреты караульных не обижались, понимая, что так оно, наверное, и должно быть: без позволения главенствующих духовных лиц приложиться к нетленному позлату не положено и нельзя. Они лишь просились хотя бы издалека посмотреть на глиняную ячейку, где солдат лежит и покоится. На это разрешение им давалось. Паломники, не отрывая глаз, глядели на прикрытую поисковиками брезентом ячейку (вдруг опять нагрянет дождь, да еще если с грозой), вздыхали и тоже соглашались ждать, сколько будет назначено и необходимо...

А Прошка все эти дни неустанно мастерил раку.

У него давно лежала в повети дубовая в два обхвата толщиной колода. Приобрел ее Прошка в лесничестве на осенней расчистке и намеревался, распустив на плахи, сладить в доме новые подоконники-подушки взамен старых, заметно уже подгнивших. Но дело это у него все откладывалось и откладывалось. Самостоятельно распустить колоду на плахи ручными пилами Прошка по слабости своих сил уже не мог. Надо было везти ее на пилораму в район за двадцать километров (своя, колхозная, разрушилась и бесследно исчезла вместе с колхозом), но доставить туда колоду у Прошки опять-таки не имелось никакой возможности: ни грузовых тяжелых машин, ни тракторов с прицепами в Березанке тоже не осталось. Несколько раз Прошка заикался насчет колоды и подоконников сыну, то тот не торопился исполнять его настоятельную просьбу: то некогда сыну было, недосуг, то вдруг надумал он поставить в доме какие-то диковинные пластмассовые окна (и начал уже для замысла того накапливать деньги), которые теперь повсеместно ставят в городских каменных квартирах.

Так и долежала колода до нынешнего сокровенного часа. Выкатив ее на середину повети-мастерской, Прошка, помолясь, и приступил к ней со всеми необходимыми инструментами. Несмотря на свой суетный разговорчивый характер, плотником и столяром он действительно был отменным, редких наклонностей и искусства. Рубил ли Прошка дом-сарай, вязал ли косяки-лутки, рамы и двери, так делал он все это не только ради прочности и повседневной необходимости, а еще и ради красоты, чтоб и дом, и сарай, и окна-двери не просто служили по принадлежности своей, но и радовали, веселили глаз. На крыше дома или сарая Прошка непременно воздвигал голосистого сторожевого петушка, оконные наличники-обиконцы ладил резными, с затейливыми кружевными и ажурными кокошниками наверху. Такими же кружевными, воздушно-легкими выходили из-под руки Прошки и подстрешные «фартуки», на изготовление которых иные-прочие нынешние столяры не желали тратить ни сил, ни времени.

Не раз и не два за свою долгую жизнь приходилось Прошке мастерить скорбные, но, куда ж деваться, необходимые в завершение человеческого земного срока деревянные прибежища всего на четыре доски — гробы-домовины. Только и они у Прошки получались, хотя и скорбными, но не устрашающими, тяжелыми и гнетущими, а всего лишь печально-грустными, по-живому пахли сосновой смолой-живицей, чем облегчали участь и усопшего, и остающихся пока на этом горевом свете его собратьев и сородичей.

Раку же Прошка мастерил впервые. Прежде он лишь несколько раз видел ее во время солдатской своей службы в городе Киеве в подземных

пещерах Киево-Печерской лавры, да в знаменитых древних монастырях, куда заглядывал не столько по богомольному своему пристрастию, сколько по молодому задорному любопытству. Но, вот же довелось и досталось мастерить и раку.

Перво-наперво Прошка принялся вырубать столярным малым топориком, долотами-стамесками разных размеров, подчищать рубанком-горбатином ложе раки. Потом взялся за наружные ее стороны. В изголовье он вырубил православный восьмиконечный крест, а в ногах — веночек полевых неброских цветов и трав. На продольных же боковинах Прошка пустил стремительно бегущие веточки-вьюнки с продолговатыми листочками, одинаково похожими и на лавровые, и на более привычные в их местности — вербные.

Село в ожидании, пока Прошка справится с ракой, притихло и непривычно замерло. Нигде не было слышно ни громких переключек, ни праздного веселья, ни даже ребячьих шумливых голосов. Лишь изредка, встречаясь где-нибудь на улице или возле колодцев, березанцы, настороженно прислушиваясь к ударам Прошкиного топора, к шорханью рубанка-горбатика, полупшепотом говорили:

— Рубит...

— Строгает...

И опять замирали в безмолвии и поспешно расходились по домам...

* * *

Завершил свою работу Прошка на третий день к вечеру и пригласил в повесть отца Михаила с Николаем Петровичем поглядеть и определить, ладно ли у него все получилось, достойно ли и не требуется ли еще какая-нибудь дополнительная доводка.

— Все ладно, — в два голоса сказали отец Михаил и Николай Петрович, дивясь искусству старого Прошки.

Рака и вправду вышла у него редкой красоты, искусства и легкости. При свете заходящего августовского солнца, которое проникало сквозь широкое обрамленное резными наличниками окошко в повесть, она первоначально, прозрачно сияла, словно была сделана не из обыкновенного дерева-дуба, а из чистейшего серебра-золота. Полевыми своими цветами и травами, туго сплетенными в веночек, лавровыми и вербными продольными бегунками, а больше всего православным намолненным крестом в изголовье рака, казалось, зримо и осязаемо поднималась над усыпанным стружками полом повети и парила в вечернем воздухе.

Отец Михаил окропил раку святой водой, прочитал молитву и при полном согласии Николая Петровича и Прошки назначил, что завтрашним днем они переложат в нее нетленного солдата и понесут Крестным соборным ходом в церковь.

* * *

Прознав об этом решении отца Михаила, село с раннего вечера начало готовиться к завтрашнему Крестному ходу. Женщины достали из шифоньеров праздничные выходные наряды, мужчины отложили задуманные на завтра самые срочные работы и поездки, повывмылись в банях, чисто в два захода побрились, а дети без долгих уговоров и напоминаний пораньше легли спать, чтоб пробудиться утром ни свет ни заря вместе с

отцами-матерями и не пропустить, как будут поднимать из глиняной ячейки и опускать в раку нетленного солдата.

Когда же августовская наполненная ожиданиями ночь иссякла, березанцы, насколько управившись с домашними обязательными заботами (подоили и выгнали в стадо коров, накормили кур-уток, обиходили прочую мелкую живность да протопили наспех печки), семейно и одиночно потекли к глинищу.

Часам к девяти начали подходить и подъезжать пешие, конные и автомобильные паломники из соседних дальних и ближних деревень, куда слух о сооруженной Прошкой раке и о поднятии солдата долетел по проводным и повсеместно модным нынче беспроводным карманным телефонам, а еще надежнее сам собою, не зря же говорят — земля слухом полнится.

Отец Михаил в церковном горящем на солнце облачении, подтянуто-значительный Прошка в белой фланелевой рубашке и Николай Петрович с помощниками, все в камуфляжно-зеленой форме (жаль, без погон) встречали их и расставляли вокруг ячейки по бугоркам и холмикам, так, чтоб всем было одинаково видно, что возле нее происходит и свершается.

Из церкви были доставлены хоругви, иконы, выносной крест с окаймленным Божественным сиянием ликом Иисуса Христа, фонарь на длинной точеной ручке с загодя установленной в нем восковой, рассчитанной на долгий срок горения свечой. По указанию отца Михаила хоругви, крест и фонарь были розданы самым крепким и надежным мужчинам, а иконы женщинам и детям.

Но главное, что увлекло и приводило в тревожно-печальный восторг паломников, была установленная у края ячейки рака, которую Прошка вместе с Николаем Петровичем, Алешей, Витькой и Славиком привезли сюда, считай, еще затемно на легковой оборудованной верховым багажником машине.

В изголовье раки на табурете сидел Сергей Махоткин, тоже по-праздничному принаряженный домашними в новую рубаху, пиджак и легонькие летние туфли. Говорят, внук хотел еще прикрепить на грудь Сергею все его фронтовые и послефронтовые ордена и медали, то тот решительно предупредил его от подобного намерения: «Ни к чему это все нынче!» И внук не посмел противиться деду, хотя до конца и не понял, что означает это его запретное «ни к чему».

Паломники с удивлением и похвалой глядели на дубовую беломраморного цвета раку, на ее резной крест, цветы и листья, но еще с большим удивлением глядели на Сергея Махоткина. Впервые за долгие годы руки его не были заняты длинной ореховой палочкой-поводырем, и он не знал, куда их девать: то тяжело складывал в покое на коленях, то опускал почти к самой земле вдоль табурета, то прикасался к раке, словно согрел их исходящим от нее теплом и светом.

Все было уже готово к подъему солдата и Крестному ходу, но Николай Петрович, то и дело прикладывая к уху махонький телефон-мобильник, просил отца Михаила подождать еще немного — обещался подъехать военком с офицерскими какими-то чинами, а без них идти Крестным ходом было и преждевременно, и нехорошо.

Но вот наконец Николай Петрович после очередного телефонного разговора сообщил собравшемуся на лугу народу:

— Вроде бы едут...

Березанцы и паломники сразу заволновались, потеснее сгрудились в стайки на бугорках и холмиках: как-никак, едет начальство, к тому же

военное, всегда более суровое и требовательное, чем привычное для сельских жителей — гражданское, и еще неизвестно, как оно себя поведет. Вдруг опять вознамерится похоронить нетленного солдата на деревенском кладбище, рядом с братскою могилою. И как тогда противиться несговорчивому начальству, как оборонять солдата от этого, пусть, может, и законного, а все ж таки не Божеского намерения.

Ждать пришлось недолго. Не успели березанцы и паломники даже накоротке переговорить между собой о предстоящей обороне, как из окраинной деревенской улицы вынырнула «Волга» военкома. Подъехав к глинищу, она, чуть потеснив мужчин с хоругвями на торфяник, остановилась в двух шагах от раки.

Но вместо военкома из «Волги» совсем неожиданно для березанцев и паломников, выбралась маленького почти неприметного росточка старушка в белом, повязанном под подбородок платочке и мужчина лет шестидесяти, заботливо поддерживающий ее под локоток.

Старушка поясню поклонилась народу, осенила себя незыблемо-твердым крестным знамением и встала под занесенную уже для благословения руку отца Михаила.

— Сестра убитого с сыном, — тут же побежала по бугоркам и холмикам, неведомо от кого и как возникнув, молва о старушке и сопровождавшем ее мужчине.

— А где же военком?! — озабоченно спросил шофера Николай Петрович.

— Подъедет попозже, — ответил тот и поспешно стал разворачивать машину, чтоб отправиться назад в город.

Николай Петрович опять было приложил мобильник к уху, но потом спрятал его в карман и, ничего больше не говоря шоферу, тоже подошел к старушке.

Отец Михаил троекратно благословил ее, приобнял за плечо и, зорко следя, чтоб она случайно не оступилась на травянистом уже затоптанном сотнями ног дерне, повел к обрыву ячейки.

Старушка поправила на голове платочек, прикрыла даже перед горестным испытанием глаза, потом долгим неотрывным взглядом посмотрела на затененного в глубине глиняного sklepa солдата.

— Он, — едва слышимо выдохнула она. — Ванечка! — И, закрыв заплаканное лицо худенькими ладонями, припала к груди подоспевшего ей на помощь сына.

Отец Михаил отдал ему старушку на полное попечение, чутко понимая, что в эту тяжелую минуту ей лучше побыть в объятиях и утешении родного, кровного человека.

Старушка и вправду вскоре успокоилась, вытерла глаза кончиком платочка и уже просветленным, ясным взглядом еще раз посмотрела на лежащего в глиняной тверди брата с широко разметанными руками.

Ни отец Михаил, ни сын, ни Николай Петрович с ребятами-поисковиками не посмели нарушить этого созерцания. Они молча стояли поодаль, за спиной старушки, не зная, что и как можно сказать в такую минуту.

И вдруг растерянное их молчание прервал Сергей Махоткин. Он поднялся с табурета, почти уже привычно, без чьей-либо посторонней помощи подошел к старушке, прижал ее к себе, тихо поцеловал во влажные вновь наполнившиеся слезами глаза и еще тише произнес, указывая взглядом на ее брата:

— Я только прикоснулся к нему — и вот вижу. А до этого двадцать лет был незрячим.

Старушка ответно обняла Сергея, погладила по щеке старенькой своею теплой, почти обжигающе горячей ладонью и сказала:

— Он всегда таким был, будто ангел небесный.

Отец Михаил, Николай Петрович и сын старушки почувствовали себя при таком взаимно-откровенном разговоре Сергея с сестрой солдата лишними и бесшумно отошли от ячейки к мужчинам-хоругвеносцам.

Старушка не стала их окликать и удерживать, как будто и прежде рядом с ней и Сергеем никого постороннего и не было. Она вдруг достала из бокового кармана кофточки-джерпера тщательно завернутый в носовой платочек узелок, осторожно развязала его и протянула Сергею старую пожелтевшую фотографию довоенных еще времен. Сергей, удерживая ее на доступном для глаз расстоянии, принялся внимательно и пристально рассматривать. На фотографии был изображен молодой, может, всего четырнадцатилетний парень в рубашке-косоворотке и чуточку уже коротковатых для него брюках, а рядом совсем малая русоволосая девчонка в легоньком летнем платьице с надплечными крылышками.

— Это мы с Ваней в тридцать шестом году, — пояснила Сергею старушка.

— Какой молоденький, — словно припоминая самого себя в давние те довоенные годы, отозвался на ее слова Сергей.

— Молоденький, — еще раз посмотрев на фотографию, вздохнула старушка и вдруг начала рассказывать Сергею о брате все, что знала и что запомнила из его юношеской жизни. — Бывало, заболел, так Ваня сядет рядышком, положит руку — вот так — на лоб и будто забирает болезнь на себя, она сразу уходит, отпускает — и к вечеру я уже совсем здорова и весела.

Сергей никакими дополнительными вопросами и любопытством не перебивал старушку, а лишь украдкой глядел на нее просветленными своими глазами и все больше и больше узнавал в ее лице черты старшего брата: такой же высокий чистый лоб, такие же гибкие, в широкий разлет брови, такой же тонкий заостренный подбородок. И только взгляда, глаз старушки и брата он сравнить и сличить не мог. У старушки взгляд был живой и теплый, с подвижными, чуть покрасневшими от слез веками, а у брата веки были крепко-накрепко сжатыми.

О чем еще говорила, что еще рассказывала Сергею о брате старушка, того никто не слышал. Никто не уловил и ответных слов Сергея. Отец Михаил и Николай Петрович в который уж раз принялись советоваться между собой, как извлекать солдата из ячейки, водружать в раку и после нести Крестным ходом в церковь. Они заглядывались по сторонам, ища среди березанцев и паломников Прошку, чтоб спросить и его мнения. Уж кто-кто, а Прошка подсказал бы им, что и как надо делать: в войну ему вон сколько довелось поднимать из земли, переносить и перевозить убитых.

Но Прошка нигде не отыскивался. Как только раку установили возле ячейки, он незаметно затерялся в толпе, в самых дальних ее рядах. За ним давно водилась странная такая привычка: срубив дом, сарай или баньку с воинственно вознесенными на их кровлях сторожевыми пегушками или, приладив на окнах резные наличники, а в подстрешье «фартуки», он всегда отходил в сторону, давая возможность хозяевам, их соседям и всем прочим жителям без стеснения оценить его плотницкое уме-

ние и искусство. Но еще с большим пристрастием оценивал Прошка в такие минуты это умение сам и почти всегда находил какие-нибудь досадные недоделки и недочеты.

Он и нынче, выбрав себе местечко на маленьком бугорке-торфяной кочке, взыскательным взглядом окидывал раку из-за спин березанцев и паломников. И ему зримо и явственно виделось, что в переплет с бегущими по обеим ее сторонам вьюнками из лавровых и вербных листьев все-таки надо было пустить полевые и луговые цветы: звонкие колокольчики, васильки-волошки, вереск и чабрец, и тогда бы рака смотрелась, может, даже ничуть не хуже, чем в Киево-Печерской лавре.

В изножье раки, рядом с веночком, Прошка обнаружил один недобранный стамескою и рубанком бугорок и так раздосадовал этому недочету, что вообще готов был уйти домой и затвориться где-нибудь в повети.

Отец Михаил, не найдя Прошку, своей волей и властью принял решение и сказал Николаю Петровичу:

— Давайте начинать. Пора!

— Давайте, — поддержал его тот и спустился по лесенке в ячейку.

Вслед за Николаем Петровичем спустился туда и совсем какой-то сегодня задумчивый Алеша. Вдвоем они опытно и согласно подвели под солдата заранее заготовленный дощатый помост; правую его руку с неотрывно зажатой винтовкой прислонили к бедру (и сразу получилось, как будто тот взял ее на караул, чтоб заступить на доверенный ему самый ответственный пост), а левую положили на грудь чуть повыше солдатского ремня с пятиконечной звездой.

Удостоверившись, что солдат лежит на помосте прочно и непоколебимо, Николай Петрович с Алешей оторвали его от земли и подняли наверх. Там помост из рук в руки приняли Витя со Славиком, отец Михаил, два-три мужчины-добровольцы из березанцев и паломников и Прошка, который, наконец преодолев все свои сомнения, объявился возле ячейки. Он немедленно откликнулся на просьбу Николая Петровича и отца Михаила и принялся распоряжаться работами, зорко следя за тем, чтоб при возложении солдата в раку никто не потревожил его лишним резким движением, не отвлек от постовой караульной службы.

Все у мужичин получилось, как нельзя лучше. Солдат лег в раку покойно и терпеливо, не выронив из правой руки винтовки, а левую не отняв от груди.

Ничто в нем не изменилось и не нарушилось: ни откинутаая чуть назад голова, ни по-юношески худенькие шея и плечи, ни в струнку вытянутые ноги в солдатских ботинках и обмотках. И лишь лицо солдата при ярком полуденном сиянии солнца вдруг просветлело, нестойкий коричневатый загар сошел с него; оно посвежело и даже как будто зарумянилось.

Старушка, до этого мгновения молчаливо стоявшая в сторонке, теперь подошла к раке, обняла брата за грудь, припала щекой к его просветленной, согретой солнцем щеке и сказала так, как, наверное, не раз говорила в далекой своей детской жизни:

— Братик мой милый...

Никто старушке не мешал, не тревожил и не торопил ее. Все понимали, что старушке надо хоть немного побыть с братом наедине, высказать ему все, что долгие годы разлуки таила и берегла в душе только для него одного, единственного. Ведь сейчас брата отнимут, отторгнут от нее, и он уже будет принадлежать не только ей, а и всем иным людям, перед

которыми неожиданно явился, нетронутый землей и тлением. Старушка еще теснее припала к брату и не смогла сдержать своего невольного горестного упрека:

— Мать так надеялась, так ждала, что ты вернешься...

Солдат, казалось, внимательно слушал сестринские упреки и обиды, слушал и внимал им. И вдруг как будто прошептал с успокоительной, чуть тронувшей его губы улыбкой: «Вот я и вернулся...»

Старушка заплакала совсем уже навзрыд, прощально обняла брата и уступила место возле раки своему сыну.

Тот склонился над ней, тоже заплакал, прикоснулся широкой ладонью к груди солдата, которого видел прежде только на фотографии, да знал о нем по рассказам матери.

— Оставь его, Ваня! — легонько тронула сына за рукав старушка.

Слова ее прозвучали негромко, но отчетливо и по-матерински повелительно. Их услышали даже на самых отдаленных бугорках и холмиках. Там все пришло в волнение и беспокойство. Отец Михаил больше медлить не стал и отдал распоряжение обустроивать Крестный ход.

Возглавляя его, далеко вперед, на луговую тропинку, вышел с иконой Пресвятой Богородицы в руках высокий, уверенный в шаге старик, Матвей Еремин, который во время любого Крестного хода: — на Рождество, на Пасху, на Троицу, в день Преображения Господня, на Спаса, — всегда и носил ее, задавая Крестному ходу особенно торжественную и мерную поступь. Вслед за Матвеем встал с престольным Животворящим крестом бывший учитель труда восьмилетней березанской школы, а теперь один из самых усердных помощников отца Михаила в церкви Александр Наумович. Потом, по-военному подравнявшись в единую шеренгу, выступили мужчины с фонарем и хоругвями и несколько женщин и детей со своими, снятыми с домашних кивотов иконами. Они все повернулись в полуоборот к ячейке и начали ожидать, когда отец Михаил, прочитав молитву, отдаст приказание отрывать раку от земли и вставать с нею в самом центре Крестного хода.

Минута была скорбная и напряженная, наполненная молитвенным голосом отца Михаила, дьякона и певчих. Но вот иссякла и она, и к раке с двух сторон подступили Николай Петрович с Алешей и Витя со Славиком.

По команде Николая Петровича они подняли раку на плечи, и она сразу взметнулась, вознеслась над людскими головами, почти вровень с хоругвями. Золототкаными своими полотнищами с ликами Иисуса Христа и Божией Матери они широко развевались на ветру, образуя вокруг нее охранный шатер.

Отец Михаил, дьякон и певчие, выждав несколько мгновений пока рака потверже укрепится под этим шатром-хоругвями, расположились в двух шагах позади нее. Их примеру последовали старушка с сыном и Сергей Махоткин. Поддерживая друг друга, они отдельной, соединенной теперь почти родственными уже узами стайкой укрылись за спиной отца Михаила и приготовились к дальней и нелегкой для них дороге. А за ними, сколько видно было глазу, вдоль глинища и луга, до самой речной уремы выстраивались березанцы, пришлые и приезжие паломники

Прошка поначалу хотел было вслед за Николаем Петровичем и его помощниками тоже подставить плечо под раку, чтоб несменяемо нести ее к церкви, но потом отступился от этого своего намерения, вовремя определив, что он по сравнению с молодыми мужчинами маловат ростом: пле-

чом до раки Прошка не дотянется и будет лишь помехой для них, сбивая с ноги и шага.

Он опять затерялся в толпе и теперь уже совсем издалека, поверх людских голов, смотрел на раку и с двойным пристрастием укорял себя, что не пустил вдоль лавровых и вербных бегунков полевые и лесные цветы...

Но долго удерживать на этом внимание у Прошки не получилось. Отец Михаил осенил себя напутственным крестным знамением и подал условный знак Матвею Еремину: мол, пора, выступаем с Богом.

Матвей долго ждать себя не заставил. Он поднял-взметнул икону Пресвятой Богородицы высоко над головой и сделал по торфяной тропинке начальный размеренно-твердый шаг. И в то же самое мгновение далеко в селе на церковной звоннице ударил колокол. Звонарем у них в Березанке был молодой выученик районной музыкальной школы по классу духовых инструментов, трубы-валторны Павел (Паша) Красавкин. Еще в первые годы музыкальной своей науки он пристрастился подниматься на звонницу, которой тогда безраздельно владел его дед, Борис Серафимович (Борис-звонарь, как все в Березанке от мала до велика звали его). Паша вначале на слух, а после уже и согласно нотной музыкальной грамоте перенял от деда старинное умение и тайну колокольного перезвона. Поименно различал он все, какие только бывают в храмах, колокола: большие и малые, праздничные, воскресные, полиелейные и еще особые — зазвонные колокольцы. Когда же дед Борис умер, Паша с полного согласия и благословения отца Михаила стал исполнять на них все будничные и праздничные благовесты, заукоийные службы и тризны уже в одиночку, ничуть не уступая, а может, даже и превосходя деда.

Нынче отец Михаил повелел Паше подняться на церковную колоколенку с утра пораньше и зорко следить за всем, что будет происходить на лугу. И как только Крестный ход с поднятой над головами ракой обустроится, чтоб идти к церкви, так, нисколько не медля, сразу ударить в колокола.

И Паша не упустил, не проглядел нужного мгновения. С первым шагом Матвея Еремина, он тронул главный, самый тяжелый колокол вначале чуть слышимым, далеким звуком, а потом, подстроив к нему колокола и колокольцы поменьше, огласил всю округу таким звоном, какого никто и никогда еще здесь не слышал. Он не был заукоийно-поминальным, но и не был радостно-праздничным, а каким-то особым, словно набат, возвышающим душу.

Отец Михаил, дьякон и певчие, едва лишь этот звон коснулся их слуха, на одном породненном дыхании возгласили молитву-Трисвятое: «Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас...» На повторе ее подхватила из уст отца Михаила старушка, а вслед за ней сын и Сергей Махоткин, который впервые за долгие годы своей слепоты шел в столь дальнюю дорогу без палочки и сопровождения, смело и безоглядно.

От них молитва как бы сама по себе перекинулась на остальных паломников, волна за волною захватывая все новые и новые их ряды, — и вскоре уже пел весь Крестный необозримый ход.

Николай Петрович в просвет между хоругвями иногда обеспокоенно поглядывал на село, надеясь увидеть на его выезде машину военкома. Но она что-то никак не появлялась и не появлялась...

Крестный ход тем временем, стройно вытягиваясь в длинную нескончаемую ленточку на лугу, вскоре подошел к деревенским домам и начал заполнять широкую песчаную улицу.

И вдруг, откуда ни возьмись, над ракой, крестом, иконами и хоругвями взвилась стайка никем вначале не опознанных птиц.

— Горлицы это! Горлинки! — радостно воскликнул, первым узнавая их, Прошка.

Вслед за ним все березанцы и паломники тоже признали в метущейся птичьей стае диких лесных голубей-горлинок. Признали и удивились, как это они не могли их различить сразу, когда те только появились над ракой, над иконами и хоругвями. Хотя, может, потому и не различили, что горлинки — птицы тайные, скрытные, в село к людям они не залетают, а живут в полном уединении в лесах и чащах.

Но вот сегодня, нарушив это уединение, залетели...

Когда показалась церковь с широко распахнутой дверью притвора, горлинки взмыли на голубую увенчаную крестом маковку и уселись там на карнизе.

Так, под колокольный звон, молитву отца Михаила и голубиное воркование раку занесли в церковь и поставили подле Престола и иконы Божией Матери.

Крестный ход у церковного порога разбился теперь уже в одиночную цепочку, и каждый паломник стал с крестным знаменем подходить к раке, прикасаться к ней и склонять перед нетленным солдатом голову.

Людской поток паломников и березанцев шел до самого позднего вечера, и горлинки за все это время ни разу не стронулись с карниза. Но когда возле солдата остались одна лишь старушка с сыном да отец Михаил с Николаем Петровичем и Прошкой, они вдруг в единый взмах крыльев запорхнули в церковь и вихрем закружились над ракой, как будто возвращая солдату из высокого, только им одним доступного, поднебесья его молодую бессмертную душу...

13.12. 2011 г. — 19.01.2012 г.

г. Воронеж